

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/JLPNGB>
УДК 398.5
ББК 82.3

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ОДНОГО «ПАРАФОЛЬКЛОРНОГО» ТЕКСТА ИЗ «СКАЗАНИЙ РУССКОГО НАРОДА» И.П. САХАРОВА¹

© 2022 г. А.Л. Топорков

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, г. Москва, Россия

Дата поступления статьи: 10 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 16 августа 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-298-321>

Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 20-012-00117)

Аннотация: В статье анализируется один из «парафольклорных» текстов, опубликованных Иваном Петровичем Сахаровым (1807–1863) в его издании «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». Речь идет о песне, которая интерполирована в описание обряда «опахивания», призванного защитить деревню от эпизоотии и изгнать из нее «Коровью смерть». Установлено, что само описание обряда «опахивания» создано И.П. Сахаровым на основе описания этого обряда, дважды опубликованного В.Б. Броневским в 1827 и 1828 гг., причем И.П. Сахаров стилистически «украсил» и расширил текст своего предшественника. Песня, отсутствовавшая в сочинении В.Б. Броневского, как мы полагаем, составлена самим И.П. Сахаровым на основе каких-то реальных «опахивательных» песен с дополнением отдельных мотивов, заимствованных из аутентичных произведений русского фольклора и из «парафольклорных» произведений самого И.П. Сахарова. В случае с подобными произведениями мы имеем дело с особым видом литературной стилизации, предполагающей переработку аутентичных фольклорных текстов или сочинение оригинальных произведений на фольклорной основе. При этом сочинитель уделяет внимание не только форме и содержанию своих текстов, но и особым приемам введения читателя в заблуждение относительно их происхождения (в данном случае «парафольклорный» текст интерполируется в описание реального обряда).

Ключевые слова: фольклор, Иван Петрович Сахаров, литературная стилизация, мистификация, подделка, обрядовая песня.

Информация об авторе: Андрей Львович Топорков — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела фольклора, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3106-3819>

E-mail: atoporkov@mail.ru

Для цитирования: Топорков А.Л. Опыт прочтения одного «парафольклорного» текста из «Сказаний русского народа» И.П. Сахарова // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 298–321. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-298-321>

¹ Благодарю А.А. Панченко, который познакомился с первоначальным вариантом данной статьи и высказал замечания, учтенные мной при написании окончательного текста.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

THE EXPERIENCE OF READING THE “PARAFOLKLORE” TEXT FROM I.P. SAKHAROV’S “TALES OF THE RUSSIAN PEOPLE”

© 2022. Andrey L. Toporkov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: July 10, 2021

Approved after reviewing: August 16, 2021

Date of publication: September 25, 2022

Acknowledgements: The research was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00117.

Abstract: The article analyzes one of the “parafolklore” texts published by Ivan Petrovich Sakharov (1807–1863) in his edition “Tales of the Russian people about the family life of their ancestors.” It is about a song which is interpolated into the description of the ritual “opahivanie,” designed to protect the village from the epizootic and expel the “Cow Death” from it. It has been established that the description of the rite of “ploughing” itself was created by I.P. Sakharov based on the description of this rite published twice by V.B. Bronevsky in 1827 and 1828, and I.P. Sakharov stylistically “decorated” and expanded the text of his predecessor. The song, absent in Bronevsky’s composition, is compiled by Sakharov himself, we believe, on the basis of some real “opahivaniye” songs with addition of some motives, borrowed from authentic works of Russian folklore and from “parafolklore” works of Sakharov himself. In the case of such works we are dealing with a special kind of literary stylization, involving the reworking of authentic folklore texts or composing original works on a folklore basis. At the same time, the composer pays attention not only to the form and content of his texts, but also to special techniques of misleading the reader about their origin (in this case, the “parafolklore” text is interpolated into a description of a real rite).

Keywords: folklore, Ivan Petrovich Sakharov, literary stylization, hoax, forgery, ritual song.

Information about the author: Andrey L. Toporkov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3106-3819>

E-mail: atoporkov@mail.ru

For citation: Toporkov, A.L. “The Experience of Reading the ‘Parafolklore’ Text from I.P. Sakharov’s ‘Tales of the Russian People’.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 298–321. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-298-321>

Во втором томе «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков»² (1849) И.П. Сахаров опубликовал описание обряда опахивания деревни, поместив его в разделе «Народный дневник». Примерно половину этого описания занимает обширный песенный текст, который исполняется участницами обряда. Место записи обряда и имя собирателя, которому удалось зафиксировать этот интереснейший текст, в «Сказаниях» не указаны. Особенность данного фрагмента «Сказаний» в том, что само описание обряда в целом сопоставимо с рядом других сходных этнографических сообщений, а песенный текст достаточно уникален и существенно отличается от тех «опахивательных» песен, которые приводятся другими публикаторами.

Попытаемся установить происхождение самого описания обряда и включенной в него песни с учетом того, что уже известно о деятельности И.П. Сахарова, который не только записывал и публиковал фольклор, но и сам сочинял «парафольклорные» тексты и переделывал записи, извлеченные из книг или предоставленные ему другими собирателями.

Приведем для начала обширную цитату из «Сказаний»:

Народный обряд *опахивания* принадлежит к остаткам древнего языческого верования наших отцов. Поселяне отправляют его для прекращения *коровьей смерти*. Пораженные ужасными бедствиями, они, после мирского совещания, решаются опахивать землю. Мужья, изъявив свое согласие, предоставляют этот обряд своим женам. *Повещалка*, женщина старая, опытная в подобных проделках, с раннего утра повещает по всем домам: *пора, де, унять*

2 Далее мы будем называть это издание сокращенно «Сказания».

лихость коровью. Входя в избу, она сзывает к себе женщин и открывает им на совете задуманное предприятие. Согласие всегда бывает готово, а уверенность в обряде опахивания придает особенную решимость. В знак согласия женщины обмывают руки водой и утирают их ручником, которой носит с собой повещалка. После сего обряда она строго приказывает всему мужескому полу, от мала до велика: «не выходить из избы ради беды великия». Ровно в полночь повещалка, в одной рубахе, выходит к околице и с диким воплем: «*ай! ай!*» бьет в сковороду. На этот вызов выходят все женщины с ухватами, кочергами, помелами, косами, серпами и дубинами. Мужчины запирают ворота, загоняют скот в хлева и привязывают собак. Повещалка, сбросив с себя рубаху, со всевозможным неистовством произносит клятвы на *коровью смерть*. В это время другие женщины подвозят соху, надевают на нее хомут и запрягают. С зажженными лучинами начинается троекратное шествие вокруг всего селения. Впереди всех идет с сохой повещалка и проводит *борозду межеводную*, за ней следуют несколько женщин на помелах, в одних рубашках, с распущенными волосами. Сзади их идет толпа, размахивая по воздуху кочергами, косами, серпами, ухватами и дубинами, с полной уверенностью уничтожить сими действиями носящуюся над селениями *коровью смерть*. Во время шествия они поют следующую песню.

От Океан-моря глубокого,
 От лукоморья ли зеленого
 Выходили дванадцать дев.
 Шли путем, дорогой немалою,
 5 Ко крутым горам, высокиим,
 Ко трем старцам, старим.
 Молились, печаловались,
 Просили в упрос
 Дванадцать дев:
 10 Ой вы, старцы старые!
 Ставьте столы белодубовые,
 Стелите скатерти бранья,
 Точите ножи булатные,
 Зажигайте котлы кипучие,
 15 Колите, рубите намертво

- Всяк живот поднебесной.
И клали велик обет
Дванадесать дев:
Про живот, про смерть,
20 Про весь род человекь.
Во ту пору старцы старые
Ставят столы белодубовые,
Стелят скатерти бранья,
Колят, рубят намертво
25 Всяк живот поднебесной.
На крутой горе, высокой,
Кипят котлы кипучие.
Во тех котлах кипучиих
Горит огнем негасимым
30 Всяк живот поднебесной.
Вокруг котлов кипучиих
Стоят старцы старые,
Поют старцы старые
Про живот, про смерть,
35 Про весь род человекь.
Кладут старцы старые
На живот обет велик,
Сулят старцы старые
Всему миру животы долгие;
40 Как на ту ли злую смерть
Кладут старцы старые
Проклятьице великое.
Сулят старцы старые
Вековечну жизнь
45 На весь род человекь.

С окончанием сего обряда все женщины расходятся по домам с полною уверенностию, что за обведенную черту вокруг селения не может пробраться *коровья смерть*. Горе тому животному, которое попадетс в это время навстречу неистовым женщинам; его убивают без пощады, предполагая, что

в образе его скрывалась *коровья смерть* ([23, с. 12–13]; курсив И.П. Сахарова. — А.Т.).

Сахаровская песня в контексте описаний обряда опахивания

Опахивание рано привлекло внимание наблюдателей. Первым обряд описал В.Б. Броневский в 1810 г. со слов своего извозчика, находясь недалеко от Луги близ Петербурга; позднее он включил этот текст в свою заметку «О народных праздниках», опубликованную в «Московском вестнике» (1827), и в книгу «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г.» (1828). Описания обряда в этих текстах практически не отличаются друг от друга. Приведем текст по книге В.Б. Броневского:

Давно я слышал об обряде, очень похожем на древние Бакханалии, называемом у нас коровьею смертью, и совершаемом при падеже скота в деревнях, где нет помещиков, и вообще удаленных от больших проезжих дорог. По рассказу моего очередного извозчика, вот в чем онный состоит.

В самую полночь, известив наперед, чтобы никто не выходил на улицу, женщины собираются у околицы, и шествие начинается следующим порядком. Впереди идет девка с образом, за нею женщина верхом на помеле, с распущенными волосами, с обнаженною грудью, в одной рубахе, в испуплении пляшет и кривляется. Далее хор девок, а женщины в таком же виде, как и вожатая, с ухватами, кочергами, косами и серпами, поют, хлопают в ладоши и, испуская дикие крики, также пляшут и кривляются. Сзади толпа женщин с зажженною лучиною или пуками соломы окружает нагую старуху, обыкновенно вдову, в хомуте, запряженную в соху, коею три раза опахивают деревню. Процессия останавливается пред каждым домом, женщины стучат в ворота и, производя ужасный звон в серпы и сковороды (так!), неистово все вдруг кричат и голосом ведут: «Ай! ай! секи, руби, смерть коровью; ай! ай! вот она! вот она! секи, руби, ай! ай!» На сей ужасный вызов никто не смеет откликнуться, и если, к несчастью, от испуга выскочит из подворотни собака или кошка, убивают их до смерти, по той причине, что как коровья смерть явилась в человеческом виде, а потом обратилась в собаку, то и думают они, что кто бы ни встретился на дороге, надобно убивать до смерти. Однако ж до подобного злодейства никогда не доходит; ибо всякому постороннему стóит остановиться поодаль и дать пройти этой процессии. Посредством сего гаэр-

ства крестьянки верят, что за опухшую черту коровья смерть перейти не смеет.

Простой наш народ еще держится некоторых языческих поверьев; многие истреблены просвещением, иные обратились в народную забаву, а большая из них часть смешалась с христианскими обрядами. Из числа оных обряд, известный почти во всей России под именем коровьей смерти, носит на себе печать глубочайшей древности [14, с. 363–365].

Текст, опубликованный Сахаровым, имеет много общего с описанием В.Б. Броневского. Совпадают многие детали: например, женщины собираются у околицы, обряд начинается ровно в полночь; женщины готовы погнаться за кошкой или собакой, которые попадутся им по пути, и насмерть забить их, считая, что в образе животного к ним явилась сама «коровья смерть».

И В.Б. Броневский, и Сахаров пишут о древности обряда и его языческом характере. В.Б. Броневский прямо сравнивает опухание с языческими вакханалиями. Оба автора подчеркивают, что участницы обряда находятся в экстагическом состоянии, ведут себя неистово, издают дикие вопли, полностью или частично обнажаются. Некоторые женщины скачут на помеле; другие стучат в сковороды, кричат «Ай! ай!»; они несут с собой ухваты, кочерги, косы и серпы (у Сахарова к этому перечню прибавляются дубины). Все это делает шествие похожим на шабаш ведьм; такое сравнение напрашивается само собой, хотя ни одним из авторов прямо не формулируется.

Согласно описанию В.Б. Броневского, «толпа женщин с зажженною лучиною или пуками соломы окружает нагую старуху, обыкновенно вдову, в хомуте, запряженную в соху, коею три раза опухивают деревню». У Сахарова в сходной роли выступает «повешалка».

Представим параллельные места двух описаний в сводной таблице:

Таблица 1 – Параллельные места двух описаний обряда опахивания³
Table 1 – Parallel places of two descriptions of the rite of plowing

<p>Броневский В.Б. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М., 1828. Ч. 2. С. 363–365.</p>	<p>Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб., 1849. Т. 2, кн. 7: Русская народная годовщина. С. 12–13.</p>
<p><i>В самую полночь, известив наперед, чтобы никто не выходил на улицу, женщины собираются у околицы, и шествие начинается следующим порядком.</i></p> <p><...></p> <p>Процессия останавливается перед каждым домом, женщины стучат в ворота и, производя ужасный звон в серпы и скороды (так!), неистово все вдруг кричат и голосом ведут: «Ай! ай! секи, руби, смерть коровью; ай! ай! вот она! вот она! секи, руби, ай! ай!»</p>	<p>После сего обряда она (повещалка. — А.Т.) строго приказывает всему мужескому полу, от мала до велика: «не выходить из избы ради беды великая». Ровно в полночь повещалка, в одной рубахе, выходит к околице и с диким воплем: «ай! ай!» бьет в скворороду.</p>
<p>Впереди идет девка с образом, за нею женщина верхом на помеле, с распущенными волосами, с обнаженною грудью, в одной рубахе, в испуге пляшет и кривляется. Далее хор девок, а женщины в таком же виде, как и вожатая, с ухватами, кочергами, косами и серпами, поют, хлопают в ладоши и, испуская дикие крики, также пляшут и кривляются.</p>	<p>На этот вызов выходят все женщины с ухватами, кочергами, помелами, косами, серпами и дубинами.</p> <p><...></p> <p>Впереди всех идет с сохой повещалка и проводит борозду межведную (курсив И.П. Сахарова. — А.Т.), за ней следуют несколько женщин на помелах, в одних рубахках, с распущенными волосами. Сзади их идет толпа, размахивая по воздуху кочергами, косами, серпами, ухватами и дубинами, с полною уверенностью уничтожить сими действиями носящуюся над селениями коровью смерть.</p>
<p>Сзади толпа женщин с зажженною лучиною или пучками соломы окружает нагую старуху, обыкновенно вдову, в хомуте, запряженною в соху, кою три раза опахивают деревню.</p>	<p>Повещалка, сбросив с себя рубаху, со всевозможным неистовством произносит клятвы на коровью смерть. В это время другие женщины подвозят соху, надевают на нее хомут и запрягают. С зажженными лучинами начинается троекратное шествие вокруг всего селения.</p>

³ Здесь и далее курсив и полужирный шрифт в цитатах мой, за исключением специально оговоренных случаев. — А.Т.

<p>...если, к несчастью, от испуга выскочит из подворотни собака или кошка, убивают их до смерти, по той причине, что как коровья смерть явилась в человеческом виде, а потом обратилась в собаку, то и думают они, что кто бы ни встретился на дороге, надобно убивать до смерти.</p>	<p>Горе тому животному, которое падется в это время навстречу неистовым женщинам; его убивают без пощады, предполагая, что в образе его скрывалась коровья смерть⁴.</p>
<p>Простой наш народ еще держится некоторых языческих поверьев; многие истреблены просвещением, иные обратились в народную забаву, а большая из них часть смешалась с христианскими обрядами. Из числа оных обряд, известный почти во всей России под именем коровьей смерти, носит на себе печать глубочайшей древности.</p>	<p>Народный обряд опахивания принадлежит к остаткам древнего языческого верования наших отцов. Поселяне отправляют его для прекращения коровьей смерти⁵.</p>

Множество лексических параллелей между двумя описаниями и совпадение конкретных деталей позволяют предположить, что Сахаров использовал текст В.Б. Броневского как один из своих источников, хотя в распоряжении Сахарова могли быть и какие-то другие сообщения об опахивании.

В.Б. Броневский слышал рассказ об обряде под Лугой, однако его информатором был извозчик, а не крестьянин, так что сам обряд мог происходить и в какой-нибудь другой местности. Сахаров также не сообщает, где происходило опахивание. Какие-то специфические детали или диалектная лексика у обоих авторов отсутствуют, так что определить, к какой местности относятся описания, не представляется возможным.

Сахаровский текст имеет два основных отличия от текста В.Б. Броневского. Во-первых, он включает обширную песню, которую поют участницы обряда; во-вторых, у Сахарова есть несколько лексических дополнений: старая женщина, которая руководит остальными, именуется «повещалкой» (от глагола «повещать»), она обращается к односельчанам со словами: «Пора унять лихость коровью»; позднее «она строго приказывает всему мужескому полу, от мала до велика: “не выходить из избы ради беды великая”»; она же проводит «борозду межеводную». Лексическое сопровождение образа «повещалки» и ее действий, с одной стороны, не имеют прямых

4 В тексте И.П. Сахарова курсивом выделено словосочетание «коровья смерть».

5 В тексте И.П. Сахарова курсивом выделено словосочетание «коровьей смерти».

аналогов в других описаниях опахивания, а с другой — напоминает манеру Сахарова вводить в фольклорные тексты дополнительно архаическую или псевдоархаическую лексику. Таким образом, можно предполагать, что Сахаров составил описание обряда, взяв за основу текст Броневского, и при этом существенно этот текст «обогатил» и «украсил».

Поэтика «опахивательной» песни

Текст Сахарова не похож на обычные «опахивательные» песни. Он отличается от них по своему размеру, системе персонажей, сюжетике, лексическим и грамматическим особенностям. Сахаровский текст значительно длиннее, чем аутентичные «опахивательные» песни, имеет достаточно сложную систему персонажей, относительно развернутый сюжет. Если традиционно в «опахивательных» песнях повествование ведется от первого лица, то сахаровский текст в третьем лице включает отдельные реплики персонажей в качестве прямой речи или ее пересказа.

Обряд опахивания во многих регионах России оставался актуальным во второй половине XIX в., поэтому этнографы и краеведы сделали и опубликовали большое количество записей этого обряда и сопровождающих его песен. Множество текстов такого рода отложилось в архивах Русского географического общества и Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, в личном фонде П.В. Шейна. Начиная с 1970-х гг. появилась серия аналитических статей, посвященных опахиванию и основанных на широком привлечении опубликованных ранее и архивных источников [2; 3; 4; 7; 1; 6; 8].

В статье «Роль слова в обряде опахивания» (1982) Э.В. Померанцева указала на фальсифицированный характер сахаровской песни:

Текст этот перекликается с духовными стихами и заговором против лихорадок <...>. Этот большой эпический «стих», впервые встречающийся у Сахарова, как ни странно, привлек внимание ученых, писавших об опахивании, в частности О. Миллера и позже Н. Познанского. Очевидно, И.П. Сахаров вставил в описание опахивания заговор более позднего происхождения (или сам создал его на основе заговоров), так как невероятно, чтобы такое сложное эпическое произведение исполнялось во время «дикого» шестивия — функционально это другой жанр [7, с. 33].

Соглашаясь в целом с наблюдениями Э.В. Померанцевой, мы хотели бы сделать два уточнения.

Во-первых, Э.В. Померанцева допускает и то, что Сахаров вставил «в описание опахивания заговор более позднего происхождения», и то, что он «сам создал его на основе заговоров»; мы же полагаем, что Сахаров сам сочинил этот текст, однако использовал при этом не только «духовные стихи и заговоры против лихорадок», но и другие фольклорные и книжные источники, о которых пойдет речь ниже.

Во-вторых, опахивание далеко не всегда имело «дикий» характер. Согласно отдельным описаниям, исполнительницы обряда вели себя пристойно, несли с собой иконы и пели молитвы или песни, похожие на духовные стихи. Например, Г.И. Попов отмечал, что «иногда церемония опахивания принимает явно религиозный характер. В таких случаях одна из женщин идет впереди процессии с восковой свечой <...>. Распеваемые при этом стихи принимают также религиозный оттенок...» [17, с. 192]. Из Юхновского и Вяземского уездов Смоленской губ. сообщали, что в обряде опахивания участвуют «старухи и молодые девушки-подростки; <...> поются духовные стихи в честь Владимирской Б.<ожией> М.<атери>, чтимой в Вязем.<ском> у.; все участницы одеты в одни белые рубахи, не подпоясаны и с распущенными волосами» [25, с. 176]. По сведениям из Рязанского уезда, в соху «впрягаются четыре старые вдовицы: одна в оглобли, две по бокам и одна сзади, все же остальные с колыями, метлами, рогачами и кочергами идут вокруг сохи и поют странным, раздирающим душу, напевом молитву Святой Боже» [25, с. 175]. Хотя нам не встретились пока «опахивательные» песни, напоминающие духовные стихи, не исключено, что они еще будут обнаружены в архивах.

Э.В. Померанцева установила, что сахаровская «опахивательная» песня приведена в корреспонденции Т. Невзорова, присланной им в Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева в 1899 г. из Городищенского уезда Пензенской губ.⁶ По словам исследовательницы, этот «стих», сообщенный Невзоровым, дает основания говорить о зависимости его «записи» от книги И.П. Сахарова «Сказания русского народа» (СПб., 1885, кн. 2), так как оба текста совпадают слово в слово, лишь четыре строки Невзоров заме-

6 Российский этнографический музей. СПб. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1301. Л. 11–13.

нил пересказом их содержания» [7, с. 33]. Э.В. Померанцева полагала, что Т. Невзоров просто выписал этот текст из издания Сахарова, а не зафиксировал его, наблюдая опаживание в Пензенской губ., как он сам утверждал. Поскольку корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева получали деньги за присланные ими материалы, Т. Невзоров мог руководствоваться сугубо меркантильными соображениями.

«Опахивательная» песня имеет сквозной сюжет и довольно четко делится на две части, сопоставимые друг с другом по объему. В первой действующими лицами являются «дванадцать дев»: они идут к трем старцам и велют им ставить столы, точить ножи, разжигать огонь под кострами и колоть «всяк живот поднебесной» (1–20); во второй о 12 девицах вообще не упоминается, а говорится о старцах, которые отчасти повторяют действия девиц, а отчасти делают то, что эти девицы им велели (21–45).

В связи с этим некоторые фрагменты в первой и второй частях текста повторяются дословно или с небольшими изменениями. Например, в первой части девицы велют старцам ставить столы белодубовые, а во второй старцы уже ставят эти столы; в первой девицы велют старцам зажигать котлы кипучие, а во второй эти котлы уже кипят. В первой 12 девиц кладут «велик обет» «Про живот, про смерть / Про весь род человечь», а во второй такой же обет «кладут» трое старцев.

В тексте «опахивательной» песни повторяются стихи 9 и 18 («...Дванадцать дев...»); 16, 25 и 30 («...Всяк живот поднебесной»); 38 и 43 («...Сулят старцы старые...»), а также смежные стихи: 19–20 и 34–35 («...Про живот, про смерть, / Про весь род человечь»). Некоторые стихи и даже целые группы стихов повторяются с небольшими изменениями (20 и 45; 10–16 и 21–25).

Ряд стихов, следующих друг за другом, связан синтаксическим параллелизмом (11–14, 22–23).

В шести стихах параллелизм сочетается с частичным или даже полным повтором:

Стоят старцы старые, (32)

Поют старцы старые <...> (33)

Кладут старцы старые <...> (36)

Сулят старцы старые <...> (38)

<...> Кладут старцы старые <...> (41)

Сулят старцы старые <...> (43)

Повторы и параллелизмы широко применяются в народной поэзии, а у Сахарова становятся приемами стилизации фольклорного стиха.

Язык сахаровских стилизаций весьма специфичен. В качестве параллели к «опахивательной» песне приведем начало «Сказки о семи Семионах, родных братьях», опубликованной Сахаровым. Как отмечала И.П. Лупанова, «в основу “Сказки о семи Семионах” Сахаров положил, по-видимому, сказку из сборника “Лекарство от задумчивости” или ее лубочную перепечатку, приняв меры к тому, чтоб придать ей как можно более “народный” характер. Это “достигается” прежде всего с помощью языковых средств. Для начала сказка снабжается “народным” вступлением...» [5, с. 437–438]. Если в сказке из сборника «Лекарство от задумчивости и бессонницы или настоящие русские сказки» (1786; см. перепечатку в кн.: [18, с. 89]) была краткая вступительная часть, то Сахаров поместил в начале два абзаца, написанные характерным для него цветистым слогом:

Уж как и вы ли, добры молодцы, сходитесь, собирайтесь во един кружок; уж как и вы ли, *стары старики*, садитесь на белодубовы скамеечки; уж как и вы ли, молодья молодушки, становитесь на особицу. Вы послушайте, добры молодцы, что деялось на матушке на святой Руси, вы прислушайте, *стары старики*, *стару* речь заветную, как ту ли *стару* речь заветную, теих ли *старых стариков*.

Как во ту ли *стару старину*, как во ту ли *стародавнюю*, как в том ли селе боярском, того ли молода боярина Никиты Ивановича, жили люди *старые*, *старик с старухою*, а и жили они, *старые*, сорок лет во миру и согласьи, а не прижили себе на *старость* ни единого детища. Грустит, скорбит *старик* по своей беде, а сам молвит в гореваньице: «Как и некому-то нас поить-кормить, глаза смежить, в сыру землю положить». Грустит, скорбит *старуха* по своей беде, а сама молвит в гореваньице: «Как и некому-то нас поить-кормить, старость призреть, на могилушках поминочки творить». И придумали, пригадали они, *старые*: ходить по извечным домам Божиим, молить Создателя даровать им детища, на *старость* кормилица, на помин души поминщика. Ни мало, ни много, ровно чрез семь годинушек, даровал им Господь семь сынов

за один раз. И называли они, *старые*, тех семь сынов всех Семионами. Как учили выростать те семь Семионов, родные братья, и во те поры *старик с старухою состарелися, состарелися* и переставилися [22, с. 174–175].

В плане сопоставления сказки с «опахивательной» песней показательно, что в двух абзацах 19 раз употребляются слова с корнем *стар-*, в том числе тавтологические сочетания *стары старики* (2), *старых стариков*, *стара старина*, *старик с старухою* (2), а также слова *стародавняя, старость, состарелся*.

В «опахивательной» песне тавтологическое словосочетание *старцы старые* повторяется 8 раз в начальной форме и еще раз в составе оборота «Ко трем старцам, стариим». Это словосочетание представляет собой своеобразную «визитную карточку» сахаровских стилизаций. Особую любовь Сахарова к корню *стар-* можно объяснить его традиционалистской установкой на старину как такую высокую ценность, на которую должна равняться современность.

Отметим и другие лексико-стилистические приемы, которые встречаются и в приведенном фрагменте сказки, и в «опахивательной» песне:

– парные слова: в сказке: *сходитесь, собирайтесь; грустит, скорбит* (2); *придумали, пригадали*; в песне: *путьем-дорогой; молились, печаловались; колят, рубят*;

– прилагательные в постпозиции: в сказке: *речь заветную* (2); *в том ли селе боярском*; в песне: *дорогой немалою; столы белодубовые* (2); *скатерти бранья* (2); *ножи булатные; котлы кипучие* (2); *живот поднебесной* (2); *во тех котлах кипучих; огнем негасимым; вокруг котлов кипучих; животы долгие; проклятыце великое*;

– прилагательные с удлинением в окончании: в сказке: *теих ли старых стариков; по извечным домам Божиим*; в песне: *ко крутым горам высоким; ко трем старцам стариим; вокруг котлов кипучих*;

– краткие прилагательные: в сказке: *добры молодцы* (2); *един кружок; стары старики* (2); *белодубовы скамеечки; стару речь; стара старина; молада боярина; в сыру землю*; в песне: *велик обет и обет велик; род человек* (2); *вековечну жизнь*;

— словосочетания с двумя эпитетами, относящимися к одному существительному: в сказке: *стару речь заветную* (2); *по извечным домам Божиим*; в песне: *ко крутым горам, высокиим; на крутой горе, высокой*;

— существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: в сказке: *скамеечки, молодушки, матушке, гореваньщице, годинушек, на могилушках, поминочки*; в песне: *проклятьице* (2);

— тавтологические сочетания: в сказке: *стары старики* (2); *молодые молодушки*; *на помин души поминщика*; в песне: *старцы старые* (9); *просили в упрос*;

— аллитерация: в сказке: *семь сынов всех Семионами*; в песне: «Ой вы, **старцы старые!** / **Ставьте столы** белодубовые, / **Стелите скатерти** бранья...»; «...**Кипят котлы кипучие**»; «<...> **Стоят старцы старые**...»; «...**Сулят старцы старые**...» (2);

— глагольные рифмы: в сказке: *сходитесь – садитесь – становитесь; послушайте – прислушайте; жили – прижили; поить-кормить – смежить – положить; ходить – молить*; в песне: *молились – просили; стелите – точите – колите – рубите; поют – кладут*;

— частица *ли*: в сказке: «Уж как и вы *ли*, добры молодцы...»; в песне: «...От лукоморья *ли* зеленого...».

Большое количество лексико-стилистических переключек между началом сахаровской «Сказки о семи Семионах, родных братьях» и «опахивательной» песней соответствует гипотезе о том, что оба текста сочинены самим Сахаровым.

Фольклорные и псевдофольклорные источники «опахивательной» песни

Хотя в целом сахаровская «опахивательная» песня отличается от текстов, опубликованных другими собирателями, в ней есть отдельные детали, которые встречаются в аутентичных текстах.

В начале песни из «Океан-моря» выходят 12 дев, что отсылает не только к заговорам от лихорадки (см. ниже), но и к обрядам опахивания, в которых действительно могли участвовать 12 девиц [17, с. 191; 6, с. 99–100].

В завершающей части сахаровского текста старцы проклинают смерть: «...Как на ту *ли* злую смерть / Кладут старцы старые / Проклятьи-

це великое». В аутентичных «опахивательных» песнях этому соответствует мотив изгнания смерти, например в тексте из села Богодухова Орловской губернии:

*Смерть, смерть, выйди вон
Из нашего села,
Изо всякого двора;
Нас идет девять девок, девять баб,
Девять маленьких ребят;
Три солдатки, три вдовы,
Три замужние жены.*

[16, с. 114]

По сообщению из Курской губ., во время изгнания «коровьей смерти» 9 девок и 3 вдовы обходили деревню, припевая: «Смерть, смерть, выйди вон, ты из нашего села», а потом дико кричали: «Ги-и!» [6, с. 84–85].

Таким образом, в сахаровском тексте есть отдельные мотивы, характерные для подлинных «опахивательных» песен: в начале фигурируют 12 дев, а в конце проклинается (изгоняется) смерть. Некоторые другие фальсификаты Сахарова также начинаются и заканчиваются аутентичными фрагментами, в то время как их центральная часть частично или полностью сочинена самим Сахаровым.

И все же в целом сахаровский текст значительно отличается от известных нам аутентичных текстов и по своему сюжету, и по системе персонажей.

Обычно в опахивании главными исполнительницами являются женщины и девушки, в то время как мужчины вообще не допускаются к участию в ритуале. Соответственно, и в «опахивательных» песнях рассказывается о том, что женщины идут вокруг села и изгоняют смерть. В сахаровском же тексте девицы появляются только в первой части текста и их роль ограничивается произнесением просьбы, обращенной к трем старцам, которые сами совершают ритуал.

Параллели к «опахивательной» песне имеются в колядке, которая была опубликована Сахаровым и рассмотрена нами в специальной статье [10]. Слова 12 дев: «Ой вы, старцы старые! / Ставьте столы белодубовые,

/ Стелите скатерти бранья, / *Точите ножи булатные*, / *Зажигайте котлы кипучие...*» напоминают фрагмент сахаровской колядки: «В середине их старик сидит, / *Он точит свой булатной нож*. / *Котел кипит горючий...*» [19, с. 94–95, № 2].

Крутые горы, огни и кипучие котлы фигурируют в одной из колыбельных песен, опубликованных Сахаровым:

На горе, горе, да крутой,
Огни горят, да все светлые,
 Баю, баюшки, баю!
На тех огнях, да светлых,
Котлы кипят, да кипучие,
 Баю, баюшки, баю!

[20, с. 401–402, № 3]

Ранее мы уже высказали предположение о том, что и колядка, и колыбельная относятся к сочиненным Сахаровым псевдофольклорным текстам [10]. Как опытный мистификатор, Сахаров для маскировки своих фальсификатов создавал целые серии текстов таким образом, чтобы первый текст подтверждал собой подлинность второго и третьего, второй — подлинность первого и третьего, а третий — подлинность первого и второго.

Отдельные словосочетания «опахивательной» песни имеют параллели в былинах из сборника Кириши Данилова. Например, в былинах встречается словосочетание «столы белодубовые»: «...Садился за *столы белодубовые...*» [15, с. 14]. Лексика стиха «От океан моря глубокого» напоминает былинный стих: «...Глубока, глубота океан море...» [15, с. 387].

Выше уже приводилось наблюдение Э.В. Померанцевой о том, что «текст этот перекликается с духовными стихами и заговором против лихорадок...» [7, с. 33]. Действительно, рассказ о том, что 12 дев выходят из моря, встречаются на горах со старцами и вступают с ними в диалог (1–10), напоминает начало заговоров от лихорадки типа так называемой Сисиниевой молитвы. В качестве примера можно привести начало такого заговора из лечебника XVII в.:

При мори чермнем стоит столп каменн, в столпе седит святыи великий апостол Сисиней, и зрит апостол святыи Сисиней, возмутится море до облока, и *изыдут из моря 12 жен простоволосых* окаянии дияволи видение. Они же рекоша: «Мы есмя трясавицы, дщери Ирода царя». И вопроси их святыи Сисиней: «Окаянии дияволи, по что естя семо пришли?» Они же рекоша: «Пришли есмя мучити *род человеческий...*» [9, с. 563].

В сахаровских «Сказаниях» имеется подобный заговор с таким сюжетом: на горах Афонских под дубом мокрецким сидят 13 старцев; к ним направляются 12 простоволосых дев; старец Пафнутий спрашивает их, кто они такие; они рассказывают ему, что они дочери царя Ирода, идут «на весь мир кости знобить, тело мучить»; Пафнутий приказывает другим старцам сломать по три прута и бить ими 12 девиц, которых называет «трясуницами, водяницами, расслабленными»; после этого девицы убегают к воде [21, с. 24, № 28]. И в «опахивательной» песне, и в данном заговоре есть 12 девиц; в обоих текстах они идут к старцам, которые сидят на горе. Различается только количество старцев: в заговоре их тринадцать, а в песне трое.

И в «опахивательной» песне, и в заговорах от лихорадки женские демонические существа вступают в конфликт с мужскими сакральными персонажами. Однако конфликт этот разворачивается по-разному. В заговорах девицы, выходящие из моря, олицетворяют собой разные виды лихорадки. «Трясавицы» несут людям болезни и страдания, однако их действия направлены не против всех людей, а против грешников, которых они наказывают за их проступки. Таким образом, хотя трясавицы воплощают собой зло, их действия отчасти преследуют благие цели.

В «опахивательной» песне «дванадесать дев» просят троих старцев совершить довольно зловещий ритуал, в ходе которого старцы «Колят, рубят намертво / Всяк живот поднебесной». Только в конце выясняется, что этот ритуал был направлен на изгнание смерти, однако на протяжении почти всего текста остается неясным, направлены ли действия этих девиц и старцев на благо или на зло.

В заговорах от лихорадки с «трясавицами» расправляются святой Сисиний, архангелы Михаил и Сихаил, к которым могут присоединиться и другие святые, ангелы и архангелы. В сахаровской же песне трое старцев никак не связаны с христианским пантеоном. Ритуал, который они совер-

шают, напоминает языческое жертвоприношение. Если в заговорах девицы подчиняются требованиям сакральных сил, то в «опахивательной» песне сами старцы выполняют указания девиц.

Наиболее интригующий характер в «опахивательной» песне представляет собой сообщение о том, что старцы «Колят, рубят намертво / Вся живот поднебесный», а потом то ли кипятят куски или кости этого «живота поднебесного», то ли пережигают их в котлах. В конце текста те же старцы проклиная смерть и сулят вечную жизнь всему человеческому роду, хотя недавно они сами расправились со всем «животом поднебесным».

Вполне вероятно, что Сахаров был знаком с русскими сказками, в которых есть мотивы расчленения человека и его последующего оживления, хотя известные нам варианты этих сказок опубликованы позднее, чем «опахивательная» песня. Например, в «Народных русских легендах» А.Н. Афанасьева такой эпизод встречается в сказках «Исцеление» (№ 4), «Поп — завидушие глаза» (№ 5) и еще в одном тексте без заглавия из примечания А.Н. Афанасьева к сказкам № 4 и 5. Приведем примеры из первого и третьего текстов.

В первой сказке священник, св. Николай и Христос лечат девушку таким способом:

Дал им тот барин лечить сваю дочь; ани взяли её и павели в баню. Привели в баню, и Христос-ат всеё её разрезал на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрезал на части её, взял и перемыл всеё на всеё в трёх вадах. Перемыл в трёх вадах и слажил её всеё вмести па-прежняму, как была. Слажил вмести, и спрыснул раз — ана сраслась; спрыснул в другой — она пашевелилась; спрыснул в третий — ана встала [12, с. 44].

В сказке, приведенной А.Н. Афанасьевым в примечаниях, целительством занимают поп и Николай угодник:

Никола-угодник приказал истопить баню, и привести туда больного. Говорит Никола-угодник попу: «Руби ему правую руку». — «На что рубить?» — «Не твое дело! руби прочь». Поп отрубил барину правую руку. «Руби теперь левую ногу». Поп отрубил и левую ногу. «Клади в котел и мешай». Поп положил в котел и давай мешать [12, с. 50].

Обе сказки относятся к типу СУС 785 «Кто съел просвирку?» и многократно фиксировались у русских, украинцев и белорусов [24, с. 198]. Тип АТУ 785 «Сердце ягненка» известен у многих народов, в частности, в сказках братьев Гримм [26, с. 441–442].

Приведем краткое изложение гриммовской сказки «Брат-весельчак» из тех же примечаний А.Н. Афанасьева:

Св. Петр исцеляет больных и воскрешает королеву: когда привели его к одру усопшей, он приказал принести котел воды и выслал из комнаты всех домашних. Тогда рознял он все члены умершей на составные части, побросал их в воду, развел под котлом огонь, и стал варить, пока все мясо не отделилось от костей. Затем белые кости были вынуты на стол; апостол сложил их вместе в том порядке, какой назначен самою природою, и трижды сказал: «Встань во имя всемогущей Троицы!» Королева восстала живою, здоровую и прекрасною [12, с. 52].

Вероятно, Сахаров знал сказки с мотивом чудесного исцеления. Эпизод «опахивательной» песни напоминает эпизод сказки своим акциональным рядом и результатом: старцы закалывают некие живые существа, рубят их и то ли варят, то ли пережигают в котлах, а потом эти существа возрождаются в каком-то новом качестве и их ожидает вечная жизнь.

Наш современник, скорее всего, увидит в данном эпизоде «опахивательной» песни описание шаманской инициации. Среди многочисленных примеров, приведенных Мирча Элиаде в его книге «Шаманизм и архаические техники экстаза», нетрудно найти параллели к сахаровскому тексту, например: «У телеутов некая женщина стала шаманкой после того, как ей привиделось, что незнакомый человек разрезал ее тело на кусочки и вскипятил в котле» [11, с. 75]. Подобные параллели могут объяснить генезис сказочного эпизода, однако у нас нет сведений о том, было ли известно Сахарову о шаманских инициациях.

Некоторые выводы

В результате рассмотрения «опахивательной» песни, опубликованной Сахаровым, можно утверждать, что этот текст имеет уникальный характер и неизвестен в аутентичной фольклорной традиции, хотя он

многократно воспроизводился в различных изданиях «Сказаний» и был скопирован в корреспонденции Т. Невзорова, присланной в Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева.

«Опахивательная песня» была опубликована позднее, чем колядка, которую мы рассмотрели ранее [10], и явно имеет по отношению к ней вторичный характер. В «опахивательной» песне, как и в колядке, «старые старцы» точат ножи и кипятят котлы, однако, в отличие от колядки, они нацелились не на козла, а на некий «живот поднебесный».

Оба текста представляют собой смешение разных жанров. В предыдущей статье мы показали, что в сахаровской колядке сочетаются фрагменты из колядок и сказок. «Опахивательная» песня имеет еще более сложную природу: в ней есть элементы «опахивательных» песен, заговоров, колядок, сказок.

В обоих случаях мы имеем дело с особым видом литературной стилизации, предполагающей переработку аутентичных фольклорных текстов или сочинение оригинальных произведений на фольклорной основе. При этом сочинитель уделяет внимание не только форме и содержанию своих текстов, но и особым приемам введения читателя в заблуждение относительно их происхождения (ссылки на изустные записи от исполнителей из народа, интерполяция текста, сочиненного самим публикатором, в описание реального обряда).

Список литературы

Исследования

- 1 Азбелев С.Н. Опахивание в Калужской области // Живая старина. 1996. № 4 (12). С. 34–35.
- 2 Журавлев А.Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архивика. Традиции. М.: Наука, 1978. С. 73–80.
- 3 Журавлев А.Ф. К текстологии русских «опахивательных» песен // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста: Предварительные материалы и тезисы. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1979. С. 114–116.
- 4 Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.
- 5 Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1959. 504 с.

- 6 *Островский А.Б.* Ритуалы бедствия в русской деревне // Пограничное сознание. СПб.: [Академическая тип. «Наука» РАН], 1999. С. 75–115. (Альманах «Жанун»; вып. 5)
- 7 *Померанцева Э.В.* Роль слова в обряде опаживания // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 25–35.
- 8 *Степанов А.* Опаживание: ритуальная агрессия и самоорганизация // Ритуалы бедствия: антропологические очерки. СПб.: Пропповский центр, 2020. С. 72–109.
- 9 *Топорков А.Л.* Сисиниева легенда и заговоры от лихорадки у восточных славян // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. С. 553–688.
- 10 *Топорков А.Л.* История одного обрядового текста, опубликованного Иваном Сахаровым // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 4. С. 372–399. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-372-399>
- 11 *Элиаде М.* Шаманизм и архаические техники экстаза / пер. с фр. А.А. Васильевой, Н.Л. Сухачева. М.: Ладомир, 2015. 552 с.

Источники

- 12 [Афанасьев А.Н.] Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / предисл., сост. и коммент. В.С. Кузнецовой. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1990. 270 с.
- 13 *Броневский В.Б.* О народных праздниках // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 23. Смесь. С. 351–366. Подп.: В.Б.
- 14 *Броневский В.Б.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М.: [А.С. Ширяев], 1828. Ч. 2. 408 с.
- 15 Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М.: Тип. С. Селивановского, 1818. [4], XXXIX, [1], 423, [3] с.: с нотами.
- 16 *Иванов А.И.* Верования крестьян Орловской губернии // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 68–118.
- 17 *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина: По материалам Этногр. бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. VIII, 404 с.
- 18 Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Новикова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. 288 с.
- 19 [Сахаров И.П.] Песни русского народа. СПб.: Тип. Сахарова, 1838. Ч. 1. CLVIII, 163 с.
- 20 [Сахаров И.П.] Песни русского народа. СПб.: Тип. Сахарова, 1839. Ч. 4. X, 494 с.
- 21 [Сахаров И.П.] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 2: Русское народное чернокнижие. 128 с.
- 22 [Сахаров И.П.] Русские народные сказки: Ч. 1 / [сост. И. Сахаров]. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. СХХII, 274 с.

- 23 [Сахаров И.П.] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1849. Т. 2. Кн. 7: Русская народная годовщина. 112 с.
- 24 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.
- 25 Ушаков Д. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 2/3. С. 146–204.
- 26 Uther, Hans Jörg. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography: Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson / ed. staff Sabine Dinslage [et al.]. Helsinki: Suomal. tiedeakat., 2004. Part 1. 619 p. (FF communications / Ed. for the Folklore fellows)

References

- 1 Azbelev, S.N. “Opakhivanie v Kaluzhskoi oblasti” [“Plowing in the Kaluga Region”]. *Zhivaia starina*, no. 4 (12), 1996, pp. 34–35. (In Russ.)
- 2 Zhuravlev, A.F. “Okhranitel'nye obriady, svyazannye s padezhom skota, i ikh geograficheskoe rasprostranenie” [“Safety Rituals Associated with Livestock Mortality and their Geographical Distribution”]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Genезis. Arkhaika. Traditsii* [*Slavic and Balkan Folklore: Genesis. Archaic. Traditions*]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 73–80. (In Russ.)
- 3 Zhuravlev, A.F. “K tekstologii russkikh opakhivatel'nykh pesen” [“Toward the Textology of Russian ‘Opakhivatel'nye’ Songs”]. *Balcano-Balto-Slavica. Simpozium po strukture teksta: Predvaritel'nye materialy i tezisy* [*Symposium on Text Structure: Preliminary Materials and Abstracts*]. Moscow, Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR Publ., 1979, pp. 114–116. (In Russ.)
- 4 Zhuravlev, A.F. *Domashnii skot v pover'iakh i magii vostochnykh slavian: Etnograficheskie i etnolingvистicheskie ocherki* [*Livestock in the Beliefs and Magic of the Eastern Slavs: Ethnographic and Ethnolinguistic Essays*]. Moscow, Indrik Publ., 1994. 256 p. (In Russ.)
- 5 Lupanova, I.P. *Russkaia narodnaia skazka v tvorchestve pisatelei pervoi poloviny XIX veka* [*Russian Folk Tale in the Works of Writers of the First Half of the 19th Century*]. Petrozavodsk, Gosizdat Karel ASSR Publ., 1959. 504 p. (In Russ.)
- 6 Ostrovskii, A.B. “Ritually bedstviia v russkoi derevne” [“Rituals of Disaster in the Russian Countryside”]. *Pogranichnoe soznanie* [*Borderline Consciousness*]. St. Petersburg, [Akademicheskaiia tipografiia “Nauka” RAS Publ.], 1999, pp. 75–115. (In Russ.)
- 7 Pomerantseva, E.V. “Rol' slova v obriade opakhivaniia” [“The Role of the Word in the Rite of Ploughing”]. *Obriady i obriadovyi fol'klor* [*Rites and Ritual Folklore*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 25–35. (In Russ.)

- 8 Stepanov, A. “Opakhivanie: ritual’naia agressiia i samoorganizatsiia” [“Ploughing: Ritual Aggression and Self-Organization”]. *Rituality bedstviia: antropologicheskie ocherki* [*Rituals of Disaster: Anthropological Essays*]. St. Petersburg, Proppovskii tsentr Publ., 2020, pp. 72–109. (In Russ.)
- 9 Toporkov, A.L. “Sisinyeva legenda i zagovory ot likhoradki u vostochnykh slavian” [“Sisinyeva Legend and Fever Incantations among the Eastern Slavs”]. *Sisinyeva legenda v fol’klornykh i rukopisnykh traditsiiakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoi Evropy* [*The Sisinian Legend in the Folklore and Manuscript Traditions of the Middle East, the Balkans, and Eastern Europe*]. Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 553–688. (In Russ.)
- 10 Toporkov, A.L. “The History of a Ritual Text Published by Ivan Sakharov.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 372–399. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-372-399> (In Russ.)
- 11 Eliade, M. *Shamanizm i arkhaischeskie tekhniki ekstaza* [*Shamanism and Archaic Techniques of Ecstasy*], trans. from French by A.A. Vasil’eva and N.L. Sukhachev. Moscow, Ladomir Publ., 2015. 552 p. (In Russ.)